

Книжная полка

**ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДИКТАТУРА ИМПЕРИИ:
ОТ ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ
К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ДОНОСИТЕЛЬСТВУ
(размышления о книге Баберовски Й. Враг есть везде.
Сталинизм на Кавказе. — М.: РОССПЭН:
Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010 г.)**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье реконструируется основная проблематика фундаментального исследования Йорга Баберовски. Автор статьи считает, что труд Й. Баберовски может рассматриваться как анализ предпосылок и процесса социального самоубийства с помощью взаимосвязи государственного аппарата империи с идеологией национального строительства. Взаимообусловленность данных феноменов образует важную задачу воспитания интеллектуальной и политической культуры у жителей современной русской ойкумены. Автор полагает, что процессы, протекающие на современном Кавказе, могут рассматриваться с точки зрения подтверждения (или опровержения) результатов исследования Й. Баберовски. Для этого необходимы конкретно-социологические исследования, свободные от имперских и этнонациональных шаблонов.*

Ключевые слова: *критика цивилизационного подхода, Российская империя/Советский Союз, сталинизм.*

В России давно культивируется идея о том, что государство призвано выполнять «цивилизаторскую миссию». Критика этого шаблона мысли и действия встречается редко. Доминик Ливен создал концепцию, которую можно рассматривать как важный элемент когнитивного сопротивления данному шаблону [Макаренко 2012]. В частности, он описал связь российской и советской политики в отношении Кавказа на протяжении XIX–XX вв. и констатировал: «Всем своим менталитетом и особенно озабоченностью геополитикой (не говоря уже о жестокости) Сталин во многом напоминал императора... Но его склонность к геополитике, массовой резне и этническим чисткам является чисто кавказской чертой» (курсив мой. — В.М.) [Ливен 2007: 346–347]. Однако детально данную тему Ливен не рассматривает. В этом отношении капитальный труд Йорга Баберовски — видного германского историка, специалиста по истории СССР — представляет несомненный интерес [Баберовски 2010].

Главная тема его книги — коммунистические насильники и мир, в котором они совершали насилие. Ученые обычно не замечают, что сталинское насилие вытекало из христианской телеологии спасения, которая формулирует требование: люди должны подчиняться ее беспрекословно; любая двойственность в поведении есть сопротивление дьявола (т. е., врага). Однако сопоставление эсхатологии спасения с советской действительностью показывает, что большевики не смогли добиться немого подчинения в борьбе с конкурирующими мировоззрениями.

Такова исходная посылка книги. Для ее доказательства автор подвергает тотальной критике «цивилизаторскую миссию» Российской империи и СССР на Кавказе, предлагая взамен концепт *цивилизаторской диктатуры*. Для доказательства его обоснованности он анализирует большой исторический, социологический, политический и религиозный материал, который группируется вокруг следующих основных тем: истоки цивилизаторской миссии и зарождение национализма в Закавказье в 1824–1914 гг.; война и революция 1914–1920 гг.; большевики и национальный вопрос; большевизм и национал-коммунизм 1920–1923 гг.; социализм как традиция: большевики и азербайджанское село в 1923–1928 гг.; культурная революция; связь цивилизаторской миссии и террора. Исследование каждой темы базируется на привлечении ранее неизвестных документов из архивов России, Азербайджана, Армении, Грузии.

Попутная цель и одновременно один из важных результатов исследования Баберовски состоит в полемике с шаблонами постсоветской и западной историографии: «Современная национальная историография в бывших республиках Советского Союза, — констатирует он, — рассматривает террор 1930-х гг. как сознательно инсценированный центром удар по национальному самоопределению нерусских народов. Понятия «русификация» и «террор» используются как синонимы. В западной историографии другого подхода никогда и не было. Но такой интерпретации теперь вряд ли суждено утвердиться. Террористические методы преодоления кризисов разили функционеров, невзирая на их национальность, — главное было найти ответственных за постоянно имевшие место недостатки и промахи, как их понимали в центре. Автохтоны терроризировали самих себя. Из этого с неумолимой логикой вытекала недостижимость каких бы то ни было целей, к которым стремился центр» [Там же: 791].

Книга германского историка может рассматриваться как анализ предпосылок и процесса социального самоубийства с помощью взаимосвязи государственного аппарата империи с идеологией национального строительства. Взаимообусловленность данных феноменов образует важную задачу воспитания интеллектуальной и политической культуры у жителей современной русской ойкумены.

Цивилизаторская миссия и зарождение национализма

По мере захвата Кавказа культурно-религиозная неоднородность империи превращалась в угрозу России. Царское правительство хотело ее устранить. Для этого оно стремилось дискредитировать ислам и подорвать власть мусульманской знати. Уже в первую треть XIX в. правительство России решило принимать на государственную службу в местные органы управления «братьев по вере» — армян и грузин. При этом русские чиновники воспринимали исламскую культуру через призму европейских понятий о прогрессе, полагая ее тождественной варварству и фанатизму. В официальном словоупотреблении России ислам и отсталость считались синонимами. Тем самым российская администрация не только лишала себя поддержки со стороны местных элит, но и отняла у них все властные полномочия. Местные ведомства на Кавказе были копией петербургских министерств, отражением системы импер-

ской бюрократии. «Ввиду экономического неравенства и этнокультурной разнородности империи унифицирующие реформы породили сепаратизм, который предполагалось с их помощью преодолеть» [Там же: 34].

Чтобы включить исламское духовенство в бюрократическую иерархию, правительство России в 1872 г. приняло декрет, позволявший подвергать шиитских и суннитских священников государственному надзору. Одновременно имперский центр считал клир армянской церкви привилегированной группой, которая находилась на острие цивилизации во враждебном исламском окружении. Просветительский подход госаппарата спровоцировал сопротивление мусульман, отчужденных от своей культуры. Русские губернаторы отождествляли непокорность православному культурному диктату с варварством и отрицанием европейского стиля жизни. А применение системы русского государственного права в условиях Кавказа привело к криминализации местных обычаев и традиций. Правительство России само запустило маховик насилия, который вышел из-под контроля.

Местом зарождения нации является город. Городская жизнь дает опыт многообразия, из которого рождается чувство сопричастности к себе подобным. В последнюю треть XIX в. в Закавказье начался процесс превращения деревень в города. Но города возникали как полиэтничные центры, которые стимулировали процесс совпадения этнической и социальной дифференциации. Следствием такого совпадения было формирование ксенофобии, чреватой насилием. Показательным примером служит Баку. Здесь в городском управлении доминировали иммигранты из России, но свободные и технические профессии были заполнены армянами. В 1910 г. в Баку насчитывалось 107 адвокатов, 146 врачей, 258 учителей. Из них мусульман было только 4, 10 и 10 соответственно.

Социо-культурные перемены застали коренных жителей Баку мусульман врасплох. Они превратились в меньшинство, уступив позиции урбанизированным пришлым армянам. Этим объясняется особое место Баку в процессе индустриализации: ни в одном другом городе Российской империи иммигрантам не удавалось полностью подорвать экономический и политический статус коренных жителей. Именно здесь скрыта причина вспышек насилия в отношениях между армянами и мусульманами.

Исламские школы не считались образовательными учреждениями. Правительство полагало, что в них заправляют религиозные фанатики. Поэтому школы квалифицировались как очаги сопротивления европейской цивилизации, о распространении которой мечтала центральная бюрократия России. Она проводила в жизнь политику обрусения местного населения. При таких условиях мусульмане отказывались от претензий на карьеру и благосостояние. Если мусульманский юноша хотел получить высшее образование, он должен был отказаться от традиционных устоев предков. Немногие мусульмане решались пойти по пути культурного самоотречения.

В городах была введена представительная система управления. Теперь от большинства городской думы зависело, какая этническая группа получит перевес в борьбе за раздел финансовых и прочих ресурсов. В начале 1890-х гг. в парламентах мусульманских городов Кавказа (Баку, Эривань, Шуша) преобладали армяне. Тем самым центральная власть России создала условия для воспроизводства межэтнических противоречий на уровне городского управления.

В условиях многонациональной царской империи при засилье чужеродного культурного элемента и криминализирующей трактовке коренной национальной традиции национальные сообщества могли конституироваться только через отрицание существующего порядка [Там же: 45–50]. Носителем такого отрицания стали бакинские рабочие, в которых этническое начало преобладало над классовым.

С самого начала присутствия русских на Кавказе методы колонизации стали центральным элементом цивилизаторской миссии, поскольку здесь не хватало русских чиновников и учреждений, способных воплотить в жизнь стремление самодержавного государства насадить единые принципы управления. В силу этого депортированные из центральных губерний христианские сектанты превращались в союзников царского правительства. Русским крестьянам на Кавказе выпала роль «культуртрегеров» в окружении диких племен. Они воплощали в жизнь цель центральной власти — распространение цивилизации среди мусульман [Там же: 70]. Поэтому в 1917 г. деревни колонистов запылали. Революция вылилась в протест аборигенного населения против переселенцев-христиан.

Начиная с 1880-х гг. центральная власть развернула поход против засилья армян в городах Закавказья. Здесь русские не играли господствующей роли ни в социальной, ни в экономической сфере, и потому не могли претендовать на гегемонию в реализации колониальной политики. В 1882 г. Александр III дал распоряжение министру внутренних дел Толстому принять решительные меры по противодействию армянскому национализму. В конце 1880-х гг. правительство сняло с постов почти всех армян в верхних эшелонах государственного управления.

Для компенсации недостаточного влияния русской власти в городах Закавказья и подрыва позиций армянской элиты правительство инсценировало армяно-мусульманские конфликты. В 1897 г. наместник Голицын пожаловался царю, что в Тифлисе и Баку всю власть в свои руки захватили армяне. Он считал, что экономическое «порабощение» региона армянами вытекает из их «корыстного характера» и исторической склонности эксплуатировать инородцев. Правительство России инспирировало и узаконило ущемление мусульман, но представило его как дело рук армянских националистов. Одновременно оно прислушивалось к чаяниям мусульман добиться равноправия лишь в той мере, в которой данное стремление можно было использовать против армянских общин города [Там же: 74]. С этого времени русская власть включила в свой арсенал манипуляцию национальной проблемой для достижения собственных интересов.

В итоге такой политики революция 1905–1907 г. на Кавказе протекала в виде погромов. На рубеже веков армяно-тюркские противоречия обострились. Армянские боевики из партии «Дашнакцутюн» повели охоту на чиновников. Для режима это стало поводом удостовериться в лояльности мусульман. Политика «разделяй и властвуй» достигала своей цели. В городских парламентах мусульманские депутаты стали на сторону правительства. 6 февраля 1905 г. армяне в центре Баку застрелили мусульманского рабочего-нефтяника. После этого в городе началась пятидневная взаимная резня. Социальный протест принял форму погрома.

Полиция вела себя пассивно, полицмейстер в сопровождении 50 казаков ездил верхом по охваченному пожарами городу, не вмешиваясь в происходящее. Казаки сдавали армян на расправу преследователям-мусульманам. Одновременно в полицейском участке тюркским рабочим выдавали винтовки и револьверы под залог паспортов. Затем начались убийства полицейских. В итоге Баку прославился как сотрясаемый погромами очаг насилия, пристанище агрессивного национализма и пример беспомощности власти.

Только в 1906 г. власть смогла перехватить инициативу. В Елизаветпольскую и Бакинскую губернии была направлена карательная экспедиция под руководством генерала М. Алиханова. Он жег деревни и устраивал массовые порки крестьян.

В апреле 1905 г. Николай II восстановил должность наместника на Кавказе. В этом проявилась склонность монарха к внебюрократическим способам решения проблем, ориентированным на персонификацию власти. Но под давлением внешнеполитического фактора (конфликт России с Османской империей) правительство вернулось к проармянской политике, избегая открытой дискриминации мусульман.

Имперский вариант цивилизаторской миссии России на Кавказе подразумевал деление наций на «передовые» и «отсталые». Предполагалось, что мусульманское население империи добровольно откажется от своих традиций и даст себя ассимилировать. На деле встреча культур показала непреодолимость барьеров между ними. Мусульманские элиты лишились возможности участия в делах, их касавшихся. Им пришлось пережить дискриминацию и стигматизацию. Поэтому консенсус населения многонациональной империи с правительством был исключен. Для крестьян, рабочих и кочевников контакты с колониальной властью обернулись криминализацией священной традиции предков.

Идея о культурной однородности была присуща царским генералам и революционерам одновременно. Цивилизационная миссия России вылилась в кровавое безумие, которое в конечном счете обратилось против развязавших его революционеров. В годы Первой мировой и Гражданской войн царские генералы, революционеры-социалисты, тюркские и армянские националисты одновременно пытались превратить погромы в межнациональные войны.

Война и революция 1914–1920 гг.

Во время мировой войны мусульманские миллионеры поддерживали царское правительство. Зато революция на Кавказе превратилась в постоянный погром, осуществляемый по указу из центра.

Например, в исполкоме Баку либеральные и радикальные силы из армянских и русских адвокатов прибрали власть к своим рукам, и таким образом уже на первых порах оседлали революцию. Эти представители права распределили между собой должности губернатора, «общественного полицмейстера», начальника полиции и председателя суда. Ввиду ограниченного числа юристов и специалистов-управленцев среди мусульман в городах в правительстве по-прежнему доминировали русские и армяне.

«Революционные партии почти не прилагали усилий, — пишет Й. Баберовски, — чтобы привлечь рабочих-мусульман на свою сторону. Социал-демократы и эсеры адаптировали в своих целях культурные взгляды и понятие прогресса, присущие правящим элитам. Они лишь более умеренно выражали пропагандировавшиеся, но не осуществленные идеалы цивилизаторской миссии старого режима. Соответственно, протест рабочих мог облекаться только в одежды «европейской» культуры. И поэтому революция была делом армян и русских» [Там же: 99].

С официальной точки зрения мусульмане России были единством неисправимых неевропейцев. Эта внешняя характеристика теперь превратилась в самохарактеристику, которая соответствовала опыту жизни мусульманских элит. Под впечатлением младотурецкой революции многие кавказские мусульмане стали приверженцами пантюркизма, не имевшего оснований в реальности царской империи, но вошедшего в сознание эмигрировавших в Турцию российских мусульман.

Популярность Мусавата на Кавказе объясняется тем, что членом этой партии мог стать всякий, кто приносил клятву верности Корану, исламской религии и нации. Несовместимые вещи стали знаком отличия этой партии от других. Но с точки зрения шиитских мулл Мусават была антиисламской, социалистической и националистической партией. В контексте параллельного существования культур самодержавная концепция сословного общества праздновала свой триумф при создании принципов приема в партию.

Революция на Кавказе проходила как исключение мусульман. В июне 1917 г. межэтнические конфликты вернулись в повседневную жизнь: от перебоев в снабжении и голода страдали прежде всего бедные мусульманские рабочие. Голодные бунты и межэтнические конфликты угрожали окончательно подорвать общественный порядок. Большевики захотели из-

влекть выгоду из этой ситуации. Ленинская стратегия была направлена на доведение конфликтов до взрыва, чтобы энергия взрывной волны могла нести экстремистские силы вперед. В Баку роль подстрекателей взяли на себя С. Шаумян и А. Джапаридзе.

Центральная избирательная комиссия сообщила, что рассылку конвертов и избирательных бюллетеней должны обеспечить сами партии. Мусаватисты рекомендовали солдатам Дикой дивизии голосовать за список украинских социалистов. Русские на Кавказе в равной степени поддерживали власть Советов и сохранение империи и считали, что их интересы лучше всего будут представлять эсеры и большевики. Этим объясняется их влияние в городах с высокой долей русских рабочих и солдат.

«Все нормы и правила, пока они действуют, есть часть существующего строя, — констатирует Баберовски. — Нормативизм, лишенный связи с конкретной средой, как его представляли русские либералы, абсурден. В институциональном вакууме растворились регуляторы, созданные царским режимом для разрешения политических конфликтов. В таких условиях оставалось только уничтожить распознанного врага, чтобы самому избежать уничтожения. В царской империи существовал порядок, в котором друзья и враги, свои и чужие могли уживаться друг с другом. Революция не может обеспечить такой стабильности. Поэтому итоги выборов превратились в макулатуру еще до того, как в январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание в Петрограде» [Там же: 119]. Стало быть, диктаторские тенденции революции на Кавказе опережали аналогичный процесс в столице.

Ленин и большевики считали, что революцию можно осуществить только при подавлении сопротивления мусульманского населения Кавказа. Мусульмане и их представители считались оплотом отсталости. Поэтому революция приобретала «право» пренебречь волей большинства населения.

Уже в начале 1918 г. стало ясно, что новые властители оказались социал-шовинистами, оккупантами и насильниками, которые вначале провозглашали, а затем попирали ногами право на самоопределение. Ради успеха своей политики они были готовы пойти на перерастание революции в гражданскую войну. Национальному совету мусульман было запрещено снабжать население оружием и составлять национальные полки. Тем самым продолжалась традиция недоверия к мусульманам, которые якобы являлись агентами пантюркистского империализма.

Тем временем проходила эвакуация русских солдат из места боев с турками. Вместе с оборванными и недисциплинированными солдатами в города пришли большевистские агитаторы и националистические подстрекатели. Столкновения между вооруженными мусульманами и проезжавшими транзитом солдатами достигли первой кульминации в январе 1918 г. На станции Шамхор между Тифлисом и Елизаветполем случился инцидент, имевший роковые последствия. Руководство Закавказского комиссариата призвало разоружить солдат, следовавших в Баку. Оно стремилось ослабить военный потенциал бакинского гарнизона и снабдить оружием национальные воинские формирования. Местные руководители Мусавата в Елизаветполе вывели несколько тысяч солдат Дикой дивизии и крестьян окрестных деревень против революционных войск. В Шамхоре они задержали поезд с русскими солдатами и потребовали от них сдать оружие. Завязалась перестрелка, в результате которой было убито 2 000 солдат. Мусульманским соединениям досталось 20 орудий, 70 пулеметов, 15 000 винтовок.

В ответ на это большевики и армяне начали громить беднейших мирных мусульман в Баку, жечь религиозные святыни, насиловать, калечить и убивать людей прямо на улицах. С. Шаумян доложил в Москву, что в ходе военной акции убито 3 000 человек. По другим оценкам число убитых было от 6 до 30 тыс. человек. Однако последствия насилия сказались на самих большевиках и их армянских пособниках. Теперь победа революции всецело зави-

села от подавления сопротивления мусульманского населения. В апреле 1918 г. была потеряна возможность завоевать мусульман на сторону революции. После этих событий мусульманские массы отвернулись от советской власти и стали ожидать прихода турок, которые могли бы покончить с господством дашнаков. В целом Бакинская коммуна являла собой арену террора и погромов.

Революционные войска на 70 % состояли из армян, устраивавших кровавые погромы от имени коммуны. Шаумян открыто признавал, что революция могла одержать победу только как восстание армян и русских молокан против мусульман. Немалая доля ответственности за то, что губернии Восточного Закавказья превратились в арену апокалиптического опустошения лежит на локальных властях. Их поведение Баберовски считает ключом к пониманию причин кончины Республики Азербайджан.

Государственность предполагает применение насилия. Тот, кто не способен добиться авторитета силой, не обладает суверенитетом. Полиция и органы юстиции добиваются выполнения национально-государственных требований во внутренней политике, военные представляют их во внешних делах. У Азербайджана не было силы ни в той, ни в другой сфере. Территориальные претензии республики в отношении соседей были нереализуемы без боеспособной армии. Мусаватисты связывали «национальное самосознание и чувство национального достоинства» со «способностью нации защитить свою честь». Однако Армия Азербайджана была далека от того, что можно назвать армией, состоящей из граждан. Мусульманские крестьяне считали армейскую службу повинностью, навязанной им начальством. Попытка военного министра внедрить в военные подразделения студентов-пропагандистов с целью привить солдатам национальную идеологию провалилась.

Политическая нейтрализация Армении и советизация Азербайджана давала возможность реализации прямых отношений между Россией и Турцией. К этому стремились как большевики, так и кемалисты. Возникли предпосылки для контакта между младотурками и большевиками. Этим объясняется политическое двоедушие русской и советской власти на Кавказе: в 1919 и 1920 гг. Россия поддерживала Турцию в военном подавлении Армении; в конце 1920 г. большевики предстали перед армянскими националистами как спасители в ситуации бедствия, чтобы вернуть эту страну в состав империи [Там же: 159].

Националисты толковали понятие «нация» с языковых и вероисповедных позиций, не задумываясь над последствиями такого толкования. После провозглашения самостоятельности республик возобладала концепция этнических чисток. Право народов на самоопределение было создано как демократическое средство для решения межэтнических конфликтов. Но в Закавказье оно торжествовало в самой отвратительной форме. Этнические чистки и погромы поставили республики Азербайджан и Армению на грань саморазрушения. Когда Красная армия отвоевала Кавказ в пользу Советской России, там уже нечего было защищать.

«Азербайджанской республике не нашлось места в жизненном мире крестьян, — констатирует Баберовски. — Это название ассоциировалось у них со сборщиками налогов, уездными начальниками и армейскими офицерами, реквизициями и военными действиями. Жизненный мир крестьян ограничивался их деревней. Чтобы жить в достатке, им не нужно было национальное государство» [Там же: 177].

Опустошения и истребление населения в Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерниях в 1917–1920 гг. оставили в коллективной памяти жителей этих регионов глубокий след. Для большевиков не было ничего страшнее возобновления войны всех против всех. Здесь кроется ключ к пониманию их стратегии предоставления привилегий ущемленным в правах и подвергавшимся дискриминации группам населения, а также их территориального отделения от гегемонных этносов. Институционализация этнического начала коренилась не только в стратегическом мышлении революционеров. С ней были связаны также выводы,

сделанные из ужасов Гражданской войны, и понимание того, что упорядочивание жизни зависит от представления равноправия конфликтующим сторонам.

«Москва — это Мекка и Медина для всех порабождённых народов»¹

Большевики завоевали власть в многонациональной империи. Но не могли найти ключи к нерусским народностям. Влияние всех политических течений не выходило за пределы городов, в которых жил русский этнос. В мультиэтничном Баку революционные партии тоже опирались на русских. Последствия такой ориентации были двоякими: 1. В азиатских регионах большевиков почти не было. Сталин, Орджоникидзе, Мдивани, Махарадзе, Микоян и их кавказские приближенные представляли в партии небольшую, но влиятельную группу. Исламский мир и большевистскую партию разделяла стена молчания. 2. Большевики считали своей политической родиной традиции европейского марксизма, который полагал, что познал законы движения истории и предначертал пути освобождения человечества. Они ориентировались на городской пролетариат. Российская деревня и периферия были «отсталыми», поэтому большевики ими не интересовались. Однако в борьбе за власть в империи решающее значение вскоре приобрели нерусские этносы. А в риторике мировой революции на первое место выдвинулись Персия, Индия и арабские страны. Ради победы большевики предали чистоту марксистского учения, провозгласив право на самоопределение.

Но после гражданской войны обещания большевиков остались на бумаге. В Туркестане и Азербайджане русские коммунисты не только продолжали колониальную практику своих предшественников, но наводили на подвластных такой ужас, что новый режим ими воспринимался прежде всего как «русский», а не социалистический. На первых порах социализм предстал на периферии империи в исполнении русских «европейцев». Поэтому он там не приживался.

Большевики квалифицировали социализм как «передовой» уровень мышления, который направит историю по предначертанному ими пути. Покоренным обществам предстояло измениться и «модернизироваться». Тем самым они стали преемниками культурных взглядов царской бюрократии, которая считала современным то, что укладывалось в понятия «христианский» и «европейский». Социализм считал себя абсолютным завершением проекта модернизации.

Но в революции социальный статус рабочих сошел на второй план по сравнению с этническими самоидентификациями и культурой различия. Погромы и вооруженные конфликты между русскими горожанами, колонистами, казаками и кочевниками свидетельствуют о реальной силе этого фактора. В глазах коренного населения советская власть являлась продолжением колониального владычества. Ей повиновались, но не поддерживали. Господство большевиков оставалось непрочным. Поэтому большевики рассматривали национализацию («коренизацию») управленческого аппарата и этнизацию политики не только как необходимый инструмент курса на выравнивание уровня экономического развития, но и как средство преодоления недоверия со стороны инородцев. Даже в годы Большого террора большевики не отказывались от концепции коренизации. В их понимании преодоление нации вначале предполагало инсценировку ее существования. Если национальное сознание отсутствовало, то его следовало «пробудить». Тем самым СССР стал признания советской властью нации как организационного принципа империи.

¹ Это формулировка русского востоковеда М.П. Павловича.

Большевизм и национал-коммунизм

В ходе Гражданской войны был создан Закавказский крайком и Кавказское бюро партии большевиков. Эти структуры служили связующим звеном между центром и периферией, самостоятельно исполняя замыслы центра. В этом они были *похожи* на администрацию царских наместников Кавказа. Им принадлежала монополия на передачу информации с мест в ЦК. Поэтому Сталин и Орджоникидзе могли *заниматься систематической дезинформацией*, благодаря которой удалось убедить колеблющихся революционеров и Политбюро в том, что нет никакой альтернативы подчинению всего Кавказа власти большевиков. Именно в этих структурах полностью развернулся *макиавеллизм* Орджоникидзе и Сталина.

«На кавказской периферии, — констатирует Баберовски, — образовался тот союз единомышленников, та сеть личных связей, которые в дальнейшем обеспечили возвышение и установление личной диктатуры Сталина» [Там же: 211]. В данную сеть входили Орджоникидзе, Микоян, Киров, Шеболдаев, Мирзоян, Енукидзе и Ломинадзе — узкий круг наиболее доверенных «кавказских» друзей наркома по делам национальностей.

Нариманов и его соратники представляли интересы колонизированных аборигенов. Они не были частью духовного и ментального мира русских социалистов. Поэтому не смогли развеять недоверие русских большевиков к мусульманским просветителям.

Уже первый год советского господства в Азербайджане выявил четыре сферы конфликтов между периферией и центром: политика мирного сосуществования СССР с Турцией и Ираном противоречила задаче антиколониальной революции; объединение Грузии, Азербайджана и Армении в федерацию осуществлялось насильственно и противоречило праву наций на самоопределение; реквизиции зерна и массовый террор Красной армии в деревнях; подавление восстаний и использование этнических конфликтов.

Наместничество последнего периода царской империи возродилось на новой основе. При терроре в отношении населения Кавказа большевики применяли методы, апробированные в городах Центральной России. Оккупационный режим большевиков оживил этнические конфликты, которые был призван погасить. Война против советской власти становилась фактором объединения различных этнических групп.

Мусульманские кочевники и крестьяне не проявляли никакого интереса к национальному вопросу и призывам к национальному единению. В деревне нация была не нужна. Но в повседневной жизни мусульмане были кочевниками и скотоводами, армяне — земледельцами и скотоводами. Поэтому они воспринимали друг друга как врагов.

В Баку власть одновременно снижала себестоимость и зарплату и предъявляла к рабочим высокие технические требования. На примере отношения советской власти к рабочим «Азнефти» Баберовски показывает, что с самого начала большевики эксплуатировали периферию еще более жестоко, чем царская власть: «В этом плане центр и его хозяйственники на местах проводили колониальную стратегию, немыслимую даже для царского правительства» [Там же: 363].

Большевики и азербайджанское село

Большевики собирались изменить мир и рассматривали революцию в России как начало мировой революции. На деле русская революция привела к победе традиции, обернулась триумфом варварства, прорвавшего тонкий покров европейской цивилизации в России и на ее периферии.

Коренизация узаконила то, что социализм должен был преодолеть. Из тени на свет вновь вышли традиции и обычаи, дотолле лежавшие под спудом царской **цивилизаторской**

диктатуры. Большевики, принадлежали к «секте, владеющих грамотой», оказавшейся в обществе неграмотных. В условиях такой изоляции окрепли экспансионизм и универсализм, присущие всем сектам. Революция не отказалась от стремления осуществить цивилизаторскую миссию, лежавшую в основе ее экспансии на востоке. Нация конституировалась в культурной саморефлексии мусульман, в сознательном присвоении и сохранении своего и отвержения чужого. В этом смысле то, что называло себя азербайджанской нацией, стало обретать суверенитет только тогда, когда о политической независимости уже не могло быть речи. Баберовски иллюстрирует запаздывание процесса формирования нации на примерах анализа ряда проблем: контекст; ислам и народные верования; женщина и семья; партия и государство в деревне.

Но самым ярким и впечатляющим примером цивилизаторской диктатуры является становление нового репрессивного аппарата. В конце мая 1927 г. первый секретарь ЦК АзКП Караев выступил на заседании ЦК с речью, в которой заклеил неэффективность работы и разложение в партийных и советских органах. Однако его речь прикрывала бессилие режима. Режим угрожал, но фактически не властвовал. Служители общественного порядка, прокуроры и судьи (столпы государственного строя) несли ответственность за то, что претензии партии на осуществление власти нигде по-настоящему не реализовывались.

Наиболее явно слабость официальной власти проявлялась при организации органов безопасности. Общее правило их деятельности состоит в следующем: «Секретным службам вообще свойственно драматизировать свои наблюдения, чтобы показать свою нужность и обосновать необходимость продолжения своей миссии. Этой традиции следовал также советский репрессивный аппарат» [Там же: 340]. А в конкретных обстоятельствах Кавказа ситуация была такова:

В 1927 г. в НКВД Азербайджана работало 1 443 человек. Из них 631 окончили два класса сельской школы, 795 были неграмотны. Даже в Баку 14 % милиционеров не умели читать и писать. Многие были в сговоре с главарями разбойничьих шаек. Подрабатывали крышеванием клиентов, пособничеством проституции и разбоем. Грабили лавки своих подопечных. Вслед за партийными секретарями и председателями советов милиционеры были порождением среды, в которой государственное право ничего не значило. Лояльность милиционеров принадлежала не государству, у которого они находились на службе, а традиционному обществу, которое они должны были контролировать именем государства.

Прокуроры и судьи пользовались еще более скверной репутацией, чем милиция. На Кавказе право не было прерогативой государства, а базировалось на обычаях и местных патронажных условиях. Судья заботился лишь о том, чтобы его решение устраивало местную власть. Планы и намерения центрального правительства ничего не значили. Крестьянское общество не приучено к государственному порядку. В нем справедливым считалось то, что расширяло возможности выживания членов сообщества.

В целом милиция, прокуратура и суды несли ответственность за рост преступности в Азербайджане. Ни партийные и советские органы, ни органы юстиции не смогли решить задачу государственного регулирования и цивилизования общества. Такова одна из причин почти полного разгрома и ликвидации аппарата юстиции в годы Большого террора.

Большевики хотели разрушить кочевое хозяйство. Они следовали в русле воли Сталина и его соратников, которые не видели места для кочевников в социалистическом обществе. Однако старейшины, сеиды, беки и главы кланов ничего не потеряли при новой власти, сохранив общественное положение и собственные владения. Поэтому аграрные реформы на Кавказе привели к воспроизводству кланов вместо классов.

В Азербайджане 1920-х гг. силами государства в лице его органов безопасности административный порядок был установлен только в городах. За пределами Баку по-прежнему су-

ществовало исламское параллельное общество с его правопорядком и обычаями. Однако сознание карающего всемогущего Аллаха само по себе не могло сдержать эмоции, характерные для исламского образа жизни. Но это не удерживало большевиков от дезорганизации жизни подданных и поляризации общества. Это приводило к конфликтам, над которыми большевики оказывались не властны. Вызванные вмешательством власти столкновения выливались в акты кровной мести. После завоевания Кавказа Россией в середине XIX в. банды разбойников стали обычным явлением в кавказском регионе. А в середине 1920-х гг. произошло их возрождение.

Кровавые побоища вспыхивали в борьбе за земли, пастбища, должности и выборы в органы власти. Всюду, где большевики сталкивали крестьян друг с другом ради разжигания классовой борьбы в селе, насилие в конечном счете оборачивалось против них самих. Ни одна из стратегий, с помощью которых режим хотел одержать победу над бандитизмом, не увенчалась успехом, поскольку правительство само непрерывно создавало поводы для оживления разбоя. Оно поляризовало общество, натравливало людей друг на друга, затем легализовало то, что само же инициировало. В конечном итоге именно государство подливало масло в огонь междоусобиц. В результате параллельное общество овладевало государством, а планы центра осуществить революционное переустройство жизни на периферии превращались в абсурд.

Большевики центра и периферии считали Азербайджан моделью революции на Ближнем Востоке. Он должен был оказывать влияние на мусульманский мир, свидетельствуя о преимуществах жизни при социализме. В 1924 г. Нахичевань получила статус автономной республики в структуре Азербайджана. Перед ней ставилась задача своим примером пропагандировать советскую модель в соседних Персии и Турции. Такова была воля центра. Однако Нахичевань не выполнила задачу. Баберовский показывает, что именно в Нахичевани, на самой окраине империи, уже в 1920-е гг. возникла почва для применения методов сталинского господства, которые в 1930-е гг. были распространены на всю территорию СССР. В Грузии в ходе подавления восстания 1924 г. по указанию центра было расстреляно более 10 тыс. чел., но расстрел не коснулся партийно-государственных органов. В Нахичевани восстаний не было. Здесь режим наказывал местное руководство за неспособность проводить в жизнь большевистский курс. И он пользовался методами, из которых складывался стиль сталинского руководства.

Руководство Азербайджана назначило главой правительства в Нахичевани бывшего министра внутренних дел Гаида Султанова. Но компартия Нахичевани была скопищем неграмотных людей, не имевших ни малейшего представления о задачах государства, которому они призваны были служить. Здесь расцвели семейственность и кумовство. Весь регион поделили между собой несколько могущественных семейств. Они захватили партию, посадили на все посты своих родственников.

В районе случайно побывал Рыков. Он не нашел никакого иного пути, кроме насильственного наведения порядка в оплоте традиционного неповиновения властям. Было расстреляно все руководство республики. «Сопrotивление породило большевистский террор... Терроризирование населения стало методом изменения условий жизни, создания новых основ для осуществления господства и разрушения традиционных социальных сетей. Террор был призван положить конец сопротивлению и противодействию. Режим перешел к этой стратегии с весны 1928 г. также в других регионах Азербайджана. Террор стал принципом правления в Советском Союзе» [Там же: 530].

Культурная революция, цивилизаторская миссия и террор

Большевики сеяли ненависть и пожидали насилие. Сталинизм, коллективизация и культурная революция являются синонимами. Атеизм превращался из доктрины узкого круга маргинализированных интеллектуалов в форму жизни, которой обязаны были подчиняться все коммунисты. «Преступники-рецидивисты, которых интересовало не строительство социализма, а только личное обогащение, в первые месяцы коллективизации чувствовали себя вольготно. Они грабили, насиловали и убивали совершенно безнаказанно. Там, где преступление обрело права гражданства, а насилие превратилось в революционный долг, пали не только моральные барьеры. Дело революции питалось криминальной энергией его исполнителей. Фигура чекиста воплощала собой эту взаимосвязь» [Там же: 650].

Внутренний враг скрывался в традиционном образе жизни. Тот, кто не боролся против своих традиций и прошлого, становился контрреволюционером. Центральное правительство в Москве чувствовало, что оно лишь инсценирует власть, но на деле не правит. Этим объясняется его склонность к чрезмерному насилию над всеми без разбора. Мания преследования и вооруженческий фетишизм большевиков вытекали не из страха или слабости (такая точка зрения распространена на Западе и в России). Сталин и его приспешники не испытывали страха. Они были насильниками не из чувства необходимой обороны, а в силу убежденности в том, что культура насилия является оправданным средством отправления властных полномочий [Там же: 726].

Массовый террор был следствием культуры насилия, а также неспособности партийно-государственных органов сломить барьеры традиции и привить подданным новый стиль жизни. Готовность к применению насилия в его крайних формах и культурная разнородность империи связаны между собой каузально. «Троцкисты и зиновьевцы» — лишь условное наименование должностных лиц, которые в понимании центра несли ответственность за провал советского эксперимента на периферии [Там же: 740, 744, 761].

После 1936 г. слились воедино стремление режима к усилению идеологического контроля над местными должностными лицами и повышению их дисциплинированности, с одной стороны, и жажда крестьян свести счеты со своими бытовыми недругами — с другой. При всем различии мотивов обеих сторон, они смыкались на почве доноительства. Сталинистский террор являлся чистилищем власти, он был призван расшатывать традиционные властные отношения. Для этого его организаторы и воспользовались доноительством как привлекательным средством.

Рабочие и крестьяне быстро освоили государственную риторику, пользуясь ею в своих целях. Обычно доносы содержали формулировки с выражением верноподданнических чувств к их адресатам, чтобы подчеркнуть лояльность заявителей к власти. Это не значит, что подданные разделяли большевистский дискурс и искренне воспринимали мировоззренческие ценности власть имущих. Официальная культура утверждала доминирующее положение путем идеологического диктата. Она допускала лишь одну интерпретацию действительности. Однако диктат не снимал конкурирующих форм миропонимания, наделявших символы официальной культуры новыми значениями, а вытеснял их в другие сферы повседневности.

Доносчики направляли заявления начальству с целью избавиться от своих притеснителей и исходили из официальной интерпретации действительности. Доносчик апеллировал к системе символов, отражавших идеологические ориентиры господствующего режима. Это относилось также к проявлениям национализма, маскировавшимся идеологически как стремление дать отпор национализму других лиц. Доносчики старались выглядеть как борцы за социализм, стремящиеся оградить и спасти систему от ее врагов. Тот, на кого доносили, всегда квалифицировался как враг народа, контрреволюционер, отпрыск дореволюционных эксплуа-

таторских классов. Для советского режима такое происхождение было равнозначно стигме прокаженного, которого следует занести в перечень подлежащих ликвидации. «Иными словами, идеологически окрашенный язык общения подданных со своим начальством не был выражением убежденности человека. Доносительство на предполагаемых классовых врагов и контрреволюционеров не противоречило неприятию коммунистического проекта» [Там же: 784].

В результате всего этого аппараты пожирали самих себя. Волна доноительства 1937 г. опустошила служебные кабинеты Советского государства. Доносчики мстили и злорадствовали, наблюдая, как террор сотрясает аппараты. Тем самым они лишали себя любой возможности самим определять свою судьбу. Жертвы доносов и доносчики оказались в руках политического руководства.

Сталинистский стиль господства не признавал стабилизацию общественных отношений и выражался в поиске новых путей преодоления стабильности. В свете его идеологической надстройки такое поведение было целесообразным и рациональным. С этой точки зрения террор неотделим от идеологического помрачения сознания большевиков. Террор являлся идеологически обусловленным коммунистическим деянием. Но это деяние не рождалось из себя самого. Оно проистекало из извращенного представления о цивилизаторской миссии, стремившегося преодолеть культурное многообразие и сопротивление, превратив многообразие в единообразие.

Резюме

Вдумаемся в коннотации, вытекающие из труда Йорга Баберовски.

Сталинское насилие вытекало из христианской телеологии спасения. Унифицирующие реформы породили сепаратизм, который предполагалось с их помощью преодолеть. Центральная власть СССР создала условия для воспроизводства межэтнических противоречий. В истории России национальные сообщества могли конституироваться лишь через отрицание существующего порядка. По мере завоевания Кавказа методы колонизации стали центральным элементом цивилизаторской миссии.

Правительство России инспирировало и узаконило ущемление мусульман, но представило его как дело рук армянских националистов. Одновременно оно учитывало стремления мусульман к равноправию лишь в той мере, в которой его можно было использовать против армян. Поэтому консенсус населения многонациональной империи с правительством был исключен.

В годы революции и гражданской войны все основные политические силы пытались превратить погромы в межнациональные войны. Русские на Кавказе поддерживали власть Советов и сохранение империи одновременно. Диктаторские тенденции революции на Кавказе опережали аналогичный процесс в столице. Новые властители на Кавказе оказались социал-шовинистами, оккупантами и насильниками, первым воплощением которых стала Бакинская коммуна. Русская и советская власть на Кавказе отличалась политическим двоедушием.

Право народов на самоопределение на Кавказе реализовывалось в виде этнических чисток. Институционализация этнического начала коренилась в стратегическом мышлении революционеров и в выводах из гражданской войны. Русские коммунисты усилили колониальную практику своих предшественников. В результате местное население воспринимало новый режим прежде всего как «русский», а не социалистический. Большевики воспроизвели взгляды царской бюрократии, которая считала современным то, что укладывалось в понятия «христианский» и «европейский» модерн.

Большевики рассматривали национализацию («коренизацию») управленческого аппарата и этнизацию политики как необходимый инструмент курса на выравнивание уровня экономического развития и средство преодоления недоверия со стороны инородцев. СССР символизировал признание советской властью нации как организационного принципа империи. На деле русская революция привела к победе традиции, обернулась триумфом варварства, прорвавшего тонкий покров европейской цивилизации в России и на ее периферии. Советское государство усилило все формы имперского и этнического господства, а государственный аппарат подливал масло в огонь междоусобиц.

Таким образом, все процессы, протекающие на современном Кавказе, могут рассматриваться с точки зрения подтверждения (или опровержения) результатов исследования Баберовски. Для этого необходимы конкретно-социологические исследования, свободные от имперских и националистических шаблонов. Еще более это относится к методологическим рефлексиям Йорга Баберовски: «Советский Союз был варварским государством. И люди в нем тоже были варварами, тем более на исламской периферии. Поэтому нового человека приходилось создавать из ничего» [Там же: 564]. «В центре внимания историков должно оказаться то, что в историографии о сталинизме до сих пор практически не попадало в поле зрения исследователей: отношение человека к религии, противоположному полу, моде и праву. Ибо именно здесь кроется ключ к пониманию сталинизма. Насилие как печать сталинистского террора коренилось в конфликте непонятых миров» [Там же: 565].

Анализ влияния советского варварства в виде множества конфликтов между «непонятыми мирами» на современные социально-политические процессы в России остается открытым. Капитальные монографии Доминика Ливена и Йорга Баберовски дают интересный материал для дискуссии. На ней можно обсудить главный вывод автора: сталинизм родился на периферии; он вырос из конфронтации нацеленной на достижение единообразия и однозначности идеологии с убожеством условий жизни и культурно-бытовой разнокалиберностью этносов в многонациональной империи. «Характерной чертой этого стиля было то, что он черпал заимствования из культурного контекста, который сам же стремился разрушить. Очевидно, что феномен сталинизма можно понять только в его имперском измерении» [Там же: 517]. Приглашаю читателей высказываться.

Баберовски Й. 2010. *Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе*. — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. — М.: Изд. «Европа».

Макаренко В.П. 2012. Проблема когнитивного сопротивления. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/05.pdf>. — Проверено: 27.08.2016.